

**ЖАК-ШАРЛЬ БАЙЕЛЬ И ЕГО ОЦЕНКА
«РАЗМЫШЛЕНИЙ О ГЛАВНЫХ СОБЫТИЯХ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» МАДАМ ДЕ СТАЛЬ
(Отношение к Великой французской революции
в зарождающейся либеральной традиции во Франции)***

Не будучи специалистом по истории либерализма, я вышла на сюжет, имеющий отношение к истории либеральной мысли во Франции через свой главный интерес – историю Великой французской революции. Занимаясь последствиями и отзвуками революции в XIX в., я лишней раз убедилась, до какой степени политическая и идеологическая жизнь во Франции XIX столетия прошла «под знаком» Французской революции. Это очень ярко проявилось и в истории формирования основных политических и идеологических течений, причем не только в том смысле, что множество идей и представлений уходило своими корнями в историю и идеологию революционной эпохи, но и в том (в данном случае особенно для меня интересном), что само отношение к Великой французской революции играло определенную конституирующую роль в становлении и оформлении различных идеологических течений. Разумеется, я в полной мере отдаю себе отчет, что на отношение к революции в целом, как и на оценки отдельных ее периодов или деятелей, современных носителям этих оценок, события влияли в значительно большей степени, чем события прошлого или филиация идей. И тем не менее мне представляется характерным и важным, что самоидентификация их как носителей определенной идеологии, представителей тех или иных политических или идеологических групп, наряду с другими факторами, шла в значительной степени и через выбор себе героев – или антигероев – среди деятелей Великой французской революции (что отчасти напоминает то, как самим этим деятелям революции для той же цели нужна была античность). И если на самом раннем, «протолиберальном» этапе героями были люди 89 года, т.е. те, кто правее фейянов, то на этапе «классическом» – это жирондисты и даже отчасти монтаньяры (с осторожными положительными оценками отдельных сторон деятельности Робеспьера). Принято считать – и совершенно справедливо – что это постепенное «полевение» связано с ходом событий во Франции, с развитием и обогащением либеральной идеологии и сближением ее с рядом демократических течений, усвоением некоторых их положений. Но мне представляется очень любопытным отметить (особенно с точки зрения укорененности французской либеральной традиции в событиях Великой французской революции), что и на самом раннем этапе становления собственно либеральной тенденции, когда ее лицо определяли люди, чьими героями были в крайнем случае фейяны, а то и люди, стоявшие правее фейянов, – внутри ее (я подчеркиваю именно внутри, а не вовне – последнее несомненно) существовали элементы тех воззрений, которые разовьются в либерализме значительно позднее – и они тоже, с одной стороны, укоренены в революции, а с

---

* Эта неопубликованная работа известного российского историка Французской революции XVIII в. Г. С. Чертковой (1938–2001), с. н. с. Института всеобщей истории РАН, печатается по обнаруженной А. В. Чудиновым в ее архиве чистовой рукописи выступления на конференции «Теория и практика либерализма в Европе в XIX в.» (15–16 марта 1993, г. Москва).

другой – рождаются и развиваются в результате осмысления ее событий в свете последующего опыта.

В этом смысле чрезвычайно характерной представляется мне книга, носящая длинное название: «Критическое рассмотрение труда м-м де Сталь, озаглавленного «Размышления о главных событиях французской революции»¹. Прежде чем перейти к рассмотрению работы, позволю сказать несколько слов об авторе, поскольку он малоизвестен, а некоторые факты его биографии небезразличны для рассматриваемого сюжета. Ограничусь лишь самым необходимым. Человек того же поколения, что и м-м де Сталь, – старше ее всего на 4 года (родился в 1762 г.). Родился в провинциальной адвокатской семье среднего достатка. Получил обычное для этих кругов образование и начал делать обычную же карьеру в родном городке. Революцию приветствовал, но не был ярким революционным деятелем у себя на родине. Стал делать карьеру в новой местной администрации, добившись достаточной популярности, чтобы быть избранным в Конвент. Там примкнул к жирондистам, был довольно умерен. Позицию его лучше всего характеризует голосование по делу короля – высказался за изгнание после заключения мира (благодаря этой умеренной позиции при Реставрации не был изгнан). В Конвенте был достаточно активен, но ни до 31 мая, ни после не был на первых ролях, что спасло ему жизнь. Осенью 1793 г. арестован и около 10 мес. провел в тюрьме Люксембур. После 9 термидора был освобожден, восстановлен в Конвенте, стал одним из руководителей «золотой молодежи». При Директории служил в провинциальной администрации. При Наполеоне также находился в провинции. После Реставрации вернулся в Париж, стал сотрудником и одним из основателей известной газеты «Constitutionnel» и сотрудничал в ней до конца жизни – а умер в 1843 г. Это неизменное сотрудничество – особо подчеркиваю, ибо многие считают его более левым, чем он был по основным взглядам на самом деле, тогда как он никогда не работал в демократических изданиях, и те взгляды на революцию, о которых далее пойдет речь, – это взгляды либерала, излагаемые именно внутри либерального течения.

Обращусь теперь к его работе и обстоятельствам, вызвавшим ее к жизни. В самом начале 1818 г. появилась книга м-м де Сталь «Размышления о главных событиях Французской революции» и произвела огромное впечатление – сказалось литературное мастерство, имя и личность автора, недавняя смерть (книга осталась незавершенной), но главным было не это – в обстановке неустанной роялистской кампании против революции это была первая напечатанная (не написанная – но работа Барнава вышла позже) работа, предлагающая если и не систематическую историю, то общую концепцию французской революции, противостоящую ультрароялистской точке зрения и воспринятую как квинтэссенцию либеральной точки зрения. Невозможно разбирать здесь книгу м-м де Сталь – ограничусь несколькими самыми общими словами. Теории заговора или преступных действий кучки авантюристов, которым слабость, преступное попустительство и стечение обстоятельств позволили захватить власть, – она противопоставила идею закономерности и неизбежности революции, вытекающей из нескольких столетий французской истории, а также закономерности и неизбежности всех крупных потрясений общественного строя не только во Франции – она впервые указала на типологическое сходство французской революции с английской как явлений одного порядка. Книгу пронизы-

---

¹ Bailleul, J.-Ch. Examen critique de l'ouvrage posthume de m-me de Staël ayant pour titre «Considérations sur les principaux événements de la Révolution française». P., 1818. Vol. 1-2.

вает ненависть к деспотизму в любых формах, и восхваляется свобода – но в своеобразном понимании.

Цель революции, по м-м де Сталь, – установить представительное правление путем введения конституции наподобие английской (ограниченная монархия, две палаты, цензовая избирательная система). Равенство перед законом, но сохранение титулов. Свобода печати – но только для книг, прессе суровая цензура. С точки зрения социальной – высказывания идут от а-демократичности до антидемократичности. При такой системе идей – революция заканчивается в 1791 г., уже и к этому времени зайдя в ряде случаев слишком далеко (герой ее, естественно, Неккер), – далее сплошной провал, путь в бездну. Несмотря на очевидные, на современный взгляд, недостатки и некоторые явные слабости личного и композиционного характера (нет систематического изложения, персонифицирует историю и за лицами не видит событий, остро пристрастна к этим лицам и т.п.), – книга произвела огромное впечатление. Были сразу несколько переизданий, переводы, масса откликов в печати – восторженных в либеральной, резких в роялистской. Почему же в такой обстановке Байёль счел нужным выступить со специальной книгой, посвященной, что ни говори, критике автора, которого должен был в данной ситуации считать своим единомышленником? Как ни странно, именно поэтому – он всячески подчеркивает, что так и думает, свидетельствует свое уважение и т.п., роялистские писания считает обреченными забвению, а вот работа м-м де Сталь долго будет формировать либеральное общественное мнение, поэтому очень важно исправить заблуждения.

Прежде чем перейти к рассмотрению текста, оговорю, что полностью рассматривать его не могу здесь – ограничусь самыми общими суждениями о революции и оценкой того периода, который вызывал у м-м де Сталь особо негативное отношение и рассказ о котором, по-моему, является наиболее интересной и оригинальной частью работы Байёля.

Прежде всего, Байёль полностью разделяет убеждение м-м де Сталь в неслучайности и закономерности революции. Однако уже в этой вводной части работы он оспаривает некоторые ее положения, проявляя более глубокий историзм, что во многом связано с его стихийно более демократической установкой – м-м де Сталь рассматривает историю как бы с точки зрения правящих классов, он же – скорее с точки зрения третьего сословия. Отмечу также, что уже здесь Байёль вводит принципиально важное для него понятие необходимости господства законов в жизни общества – у м-м де Сталь этот мотив с такой силой не звучит.

Переходя затем к истории революции, Байёль делает несколько весьма пронизательных вводных замечаний. Такого рода глубокие общественные потрясения – говорит он – безусловно чреватые катастрофами. Ни одна из них в отдельности не является неизбежной – но любая весьма вероятна. Если бы люди были способны, поднявшись над ходом истории, объять одним взглядом все причины и следствия, они не падали бы в эти ямы, но это невозможно, и раз мы признаем революции неизбежными, то должны с большим уважением относиться и к самим событиям, и к людям, взявшим на себя тяжесть их осуществления – не руководствоваться (как это делает м-м де Сталь) личными пристрастиями, простительными в момент, когда все кипит, но не на историческом расстоянии. Надо уметь отойти, оценить все обстоятельства и выслушать чужую точку зрения (мысль важная для Байёля – и он умеет применить ее к себе).

Исходя из этих принципов, сам Байёль готов с величайшим уважением отнести к «людям 89 г.» – Неккеру, Малуэ, Мунье, – которых воспевают м-м де Сталь. Они высокопорядочны и с лучшими намерениями. Однако их

деятельности были присущи те же недостатки, что и суждениям м-м де Сталь. Прежде всего, они исходили из общих идей, а не конкретной обстановки. Поэтому, поставив перед собой благую цель, не могли определить конкретных путей к ней (при этом были упрямы, во всем видели лишь одну – свою – сторону и не были способны понять чужую точку зрения). Ввести английскую конституцию и двухпалатную систему во Франции, притом чуть ли не декретом, – абсолютно невозможно, ничто к этому не готово. С этим их качеством была связана и совершенно неверная идея, будто можно остановить революцию (замечу в скобках – это и в адрес фейянов). М-м де Сталь сама мимоходом справедливо отмечает, что народ, получив часть прав, не остановится, пока не получит их все – и тут же, противореча сама себе, упрекает французов за то, что после первых декретов не захотели подождать следующий предписанный Неккером срок (в несколько лет).

В корне неверной считает Байёль идею м-м де Сталь, что спасение Франции было в союзе роялистов старого порядка с роялистами-конституционалистами. Он ставит ей в упрек даже не антидемократичность этой идеи, а полную нереальность, показывающую непонимание природы происходящих событий. Чисто теоретически он склонен согласиться (это важно для понимания его общей позиции), что вполне можно было бы довольствоваться достигнутым к концу 1791 г. (напомню – м-м де Сталь многое и тут считала чрезмерно радикальным). Но для этого надо было бы, чтобы вся Франция от короля до последнего мужика приняла это. Нация приняла – а привилегированные? Было бешеное сопротивление с их стороны, то открытое, то тайное, но нараставшее и вылившееся в конце концов, когда внутренние возможности были исчерпаны, в союз с внешними врагами. Главная пружина истории революции, по Байёлю, в том, что Франция раскололась на два непримиримых лагеря – большинство нации, приветствовавшее результаты революции и готовое отдать за них жизнь, и сторонники старых порядков, тоже готовые отдать жизнь за свои привилегии. Не будь вторые так своекорыстны, многое могло бы быть по-другому. Но они не хотят уступить и крохи, поэтому примирение невозможно. Все беды, связанные с историей революции, от необходимости постоянной борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Это и предопределило необходимость свержения монархии и ряд других событий, которые видятся м-м де Сталь сплошным падением в бездну, но на самом деле, несмотря на вынужденный характер, дали немало и полезного.

В чем же видит Байёль, в отличие от м-м де Сталь, суть этого периода революции? По его мнению, в Конвенте столкнулись тогда две партии – именно партии, а не клики, подчеркивает он, ибо обе хотели блага родины, но понимали пути к нему по-разному. Жирондисты считали, что в столь опасный момент надо как можно скорее дать стране стабильные учреждения. Монтаньяры же полагали, что именно из-за грозящих отовсюду опасностей учреждения создавать не время, а надо править, опираясь на народный порыв и ничем его не гасить – только так можно победить. Когда в стране, которая ведет такую страшную войну с внутренними и внешними врагами, две партии вот так сходятся лоб в лоб, одна неизбежно должна сместиться с пути другую, середины быть не может. Но по существу в этом противостоянии, несмотря на все, что говорилось в пылу борьбы, не было ничего личного, то было противостояние идей. Монтаньяры победили не потому, что были правы, а потому что оказались сильнее. Почему же сильнее? Байёлю это по существу не ясно: он приводит ряд объяснений ситуационного и полуслучайного характера ([у их противников] нет вождей, примешавшиеся роялисты) и завершает наблюдением, ничего не объясняющим – ибо само нуждается в объяснении, – но очень точным и делающим честь его объективности: «Всё, что было революцией, оказалось с

ними». Что же, после победы якобинцев путь к террору был predetermined? Нет, считает Байёль, они могли справиться со своей задачей и обеспечить единство нации без этих бедствий, если бы с первых своих шагов установили сколь угодно суровые – обстоятельства это оправдывали – но непреложные и для них самих непреступаемые законы. Вместо того стали править с помощью декретов, приспособленных к случаю, это создало ложную исходную ситуацию, а поскольку положение было неслыханно тяжелое, а людям свойственно ошибаться, постепенно и незаметно втянулись на путь, который уже сам стал диктовать свою логику. Кроме того, даже уже чувствуя, что дело идет не так, поначалу боялись нарушить единство перед лицом врага, поэтому поддерживали все мероприятия. Но когда зашло слишком далеко, увидели бездну и сумели свергнуть тех, кто неисправим. Такова была логика событий – но никогда они не стремились ни к диктатуре, ни к деспотизму – эта мысль так важна для Байёля, что он ее подчеркивает в тексте. Я был врагом этого режима, боролся против него и пострадал от него, остаюсь его убежденным противником, но эту истину я видел в основном и тогда, и тем более она мне ясна теперь, на расстоянии.

В отличие от м-м де Сталь, Байёль считает период террора не деспотизмом, а анархией, ибо не было законов, законных гарантий, и граждане были выданы на произвол агентов правительства и чуть ли не любого соседа. Таким образом, те, кто стремились к благу, сделали много зла, но без намерения, ибо намерение было – защитить свободу. Поэтому они виновны, но не преступны, а настоящие преступники – те, кто действовал, в отличие от них, своекорыстно и толкнул их на отчаянные меры, – т. е. все те же привилегированные сторонники Старого порядка, внешние и внутренние враги. Возможно, следовало бы еще упомянуть о его отношении к Робеспьеру (единственному, о ком он резко отзывался – «monstre», – сохраняя при этом и беспристрастие, и редкостное отсутствие личной враждебности). И отмечу последнее, что я хочу сказать по поводу взглядов Байёля на революцию, хотя сказать можно было бы еще многое.

Даже по этому очень краткому изложению видно, что оба автора – и м-м де Сталь, и Байёль – по существу нечувствительны к социальному вопросу как самостоятельной проблеме революции. Он для них не существует, и замечают они его только тогда, когда он выступает в «политическом одеянии». М-м де Сталь воспринимает его сквозь призму отрицательного отношения, и в этом вопросе выступает с антидемократических позиций, доходящих местами до классово-эгоистической злобности. Байёль при всей глухоте неизменно вступает за народ (даже не всегда «по делу»), что связано и с общей более демократической установкой, и отчасти с национальными чувствами, задетыми нападками на народ-нацию (нерасчлененность в то время понятия «nation» заставляла его воспринимать нападки м-м де Сталь на народ-нацию и как антифранцузские выпады иностранки). Очень ярко это проявилось и в вопросе об оценке роли народа в установлении и функционировании якобинской диктатуры. М-м де Сталь приписывает события террора, среди прочего, и ярости, которая овладевает бедными в присутствии богатых. Байёль кидается на защиту народа (*la multitude*), действовавшего в защиту приобретенных прав, а не из зависти к богатству, – и вообще, как он пишет, «бедные вышли на сцену последними». Можно было бы сказать, что в данном случае м-м де Сталь, хотя и в перевернутом, злом отражении, видит кое-что яснее, чем Байёль (и отчасти так оно и есть) – если бы не одно, весьма тонкое, на мой взгляд, замечание Байёля. Народ, говорит он, в большинстве своем вовсе не жаждет повернуть общественное колесо на 180°. Большинство хочет вовсе не выйти из своего состояния, а жить в нем – в соответствии со своими представлениями о справедливости. Байёль, судя по всему, не очень задумывался о том, что в эти представления входит и справедливость экономическая – хотя не мог в какой-то мере этого не

ощущать; но контекст, в который помещено это высказывание, позволяет предположить, что он понимал историчность понятия «справедливость» и его способность к эволюции (т.е., попросту говоря, то, что кажется справедливым дедам, не обязательно будет казаться справедливым внукам).

Этим замечанием, предвосхищающим наблюдения современной социальной психологии, позволю себе закончить фактическую часть моего краткого сообщения и подведу некоторые итоги.

1. Казус Байёля показался мне чрезвычайно интересным прежде всего тем, что это яркий и в своем роде едва ли не уникальный пример «эволюции без эволюции», определенной радикализации взглядов *внутри* либеральной традиции (в самом деле, мы знаем множество примеров постепенной эволюции вправо, гораздо реже – влево (Гюго, Ламенне); но случай Байёля – особый, особенно среди переживших революцию).

2. Если задаться вопросом, какие главные идеи проходят через всю работу Байёля, можно выделить, пожалуй, две: одна относится к области общих идей, другая – скорее представлений, к тому, что принято сегодня называть свойственной ему картиной или образом революции. Обе они мною уже отмечались. Первая – это необходимость верховенства законов в обществе; вторая – представление о том, что главная причина всех несчастий революционной эпохи – преступное и своекорыстное сопротивление ее врагов, сторонников старого порядка. Первая – довольно типичная либеральная идея, особенно в более поздний период; но вторую мы привыкли видеть в кругу гораздо более радикальных идей и картин мира – от тех времен до наших дней.

Такого рода несколько парадоксальные сочетания свидетельствуют об изначальной (уже на этом очень раннем этапе) широте и гибкости либерального течения, являющейся, таким образом, не только результатом исторического развития этого течения, той широте и гибкости, которая является одной из главных причин силы и жизнестойкости либерализма, но, в исторической перспективе – и определенных слабостей, способности к размыванию.

3. С этой широтой в зрелом либерализме связана установка на определенный плюрализм. На раннем этапе это, по-видимому, не совсем и не всегда так: при всем уважительном внимании к чужому мнению, единство нации – основополагающая ценность в глазах Байёля (раскол нации на сторонников и противников старого порядка – несчастье и преступление; якобинцам он ставит в вину то, что раскололи нацию на «патриотов» и «контрреволюционеров»; революционное правительство долго не свергали, ибо боялись нарушить единство нации перед лицом врага). В этом отношении Байёль остался человеком «французской революции», для которой, по справедливому замечанию А. В. Адо, плюрализм вовсе не был ценностью, которая стремилась от него уйти к единству (и «единственно правильной» политике и идеям).

4. В связи с работой Байёля встает весьма интересный вопрос об отношении в либеральной традиции к революционным методам, насилью как средствам решения общественных проблем – и связи этого отношения с оценками французской революции. Я не занималась пока этим вопросом специально, но не очень удивлюсь, если связь окажется не прямой, а в ряде случаев и обратной, опосредованной через механизм историзма, исторического подхода к проблеме.

5. Изучение работы Байёля позволяет увидеть уже на этом раннем этапе некоторые уязвимые точки либерализма (возможно, свойственные ему главным образом лишь на раннем этапе – об этом пусть выскажутся специалисты). Так, когда антиномия свободы и равенства встает как проблема, либерал всегда и, что особенно важно, автоматически, выбирает свободу, и в этом автоматизме не всегда достоинство.

К примеру, когда Байёль говорит о якобинцах накануне 31 мая, «все, что было революцией, было с ними», не очень понимая, почему (о чем я говорила) и в ряде других случаев (он удивляется единству *jointée*, подозревая направляющую руку) – он, неведомо для себя, указывает на одну из «ахиллесовых пят» раннего либерализма (возможно, не только раннего) – непонимание природы массовых энтузиазмов (будь то «хорошие» или «плохие»), а отчасти и невнимание к ним. С этим в какой-то мере связано непонимание механизма перехода общества из статического состояния в динамическое (вернее, от состояния плавного развития к бурному и скачкообразному).

В. В. ЯКОВЛЕВ

Тюменский университет

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОЛОГИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗНАМЕНЕЙ

Знамения, описанные в раннесредневековых хрониках – «Истории франков» Григория Турского и «Истории лангобардов» Павла Диакона, и представляющие собой сообщения о всевозможных бедствиях, затмениях, появлениях комет и т. п. происшествиях, остаются мало изученными феноменами с невыясненными полностью культурными функциями и достаточно размытыми представлениями об особенностях применяемой по отношению к ним терминологии. Между тем, специальный анализ тезауруса хроникальных предзнаменований может способствовать разрешению, во-первых, проблемы взаимозависимости раннесредневековых и античных, в частности римских, способов толкования знаменей и, во-вторых, проблемы сходства знаменей и чудес, также не обойдённых вниманием хронистов.

Приверженность раннесредневекового общества римским традициям толкования предзнаменований должна была отразиться, на наш взгляд, в упоминаниях историков о гаруспиции и ауспициях и, соответственно, в употреблении терминов «*haruspicium*» и «*auspicium*». Однако, по имеющимся у нас на сей день сведениям, Григорий Турский в своей хронике термином «*haruspicium*», вообще, не пользовался. Термин «*auspicium*» фигурирует в «Истории франков» всего один раз. В главе «*De nuptiis Riguntae, filiae Chilperici*» Григорий Турский дал версию значения поломки повозки королевы Ригунты как недоброго предзнаменования со слов очевидцев, сопроводивших это событие возгласом: «Не в добрый час!»: [...В. Я.] некоторыми, – сообщил франкский историк, – это было принято за предзнаменование» («[...]В. Я.] *pro auspicio susceptum est* [...В. Я.]») (Greg. Tur. VI. 45).

В сочинении Павла Диакона на данный момент обнаружено лишь два явных свидетельства получения значений предзнаменований путем гаруспиции или ауспициев. В главе «*Quomodo rex Authari in Baioariam, ut suam sponsam videret, perrexit (;) et quomodo eam accepit uxorem*» («Каким образом король Аутари прибыл в Баварию, чтобы увидеть свою невесту (;) и каким образом он получил ее в жены») мы найдём такой эпизод: на свадьбе короля Аутари и дочери короля баваров Теоделинды присутствовал герцог Турина Агилульф (ок. 589 г.?). Однажды во время грозы молния поразила дерево, растущее в королевской резиденции, и герцог Агилульф, – дословно следуя лангобардскому хронисту, – «[...]В. Я.] призвал некоего мальчика из своих гаруспиков,